

ТРУДЫ ВТОРОЙ СЕССИИ
АССОЦИАЦИИ АРАБИСТОВ

19—23 октября 1937 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, вып. XXXVI

ЗАГАДКА „ДВУХПАДЕЖНЫХ ИМЕН“ АРАБСКОГО КЛАССИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Вопрос о так называемых „двухпадежных именах“ арабского классического языка принадлежит к довольно большому числу вопросов семитского языкознания, до сих пор не разрешенных зарубежными семитологами. Отсутствие стадийного подхода к языку, ограниченность кругозора искусственно созданными расовыми границами языков, разрыв между формой и содержанием, — все эти недостатки методологии у зарубежных языковедов, вообще, и семитологов, в частности, делают невозможным разрешение труднейших вопросов семитского языкознания, к которым бесспорно относится и интересующий нас вопрос о так называемых двухпадежных именах. Между тем, каждый темный вопрос в языке представляет трудность и для преподавания языка: сознательное усвоение той или иной грамматической категории учащимися подменяется зубрежкой, с которой так упорно борется всякая передовая педагогика, в особенности же советская.

Эмпирическая сторона вопроса такова: в арабском классическом языке нормальное склонение единственного числа имен различает три падежа — именительный, родительный и винительный, которые выражаются окончаниями -u, -i, -a в неопределенном состоянии, т. е. в тех случаях, когда западноевропейские языки ставят неопределенный член, но окончаниями -u, -i, -a в других состояниях — определенном, т. е. при определенном члене al-, и сопряженном (status constructus), т. е. при соединении имени с последующим родительным падежом или притяжательным местоименным суффиксом; часть имен, однако, представляет аномалию в том смысле, что в неопределенном состоянии не принимает неопределенного члена -n (по арабской терминологии tanwīn, что европейцы перевели ‘нūнация’, от буквы ن nūn) и различает лишь два падежа — именительный на -u и косвенный, т. е. родительный и винительный вместе, на -a. Таким образом общепринятые у европейских востоковедов термины „трехпадежные“ и „двухпадежные“, в западноевропейских языках triptōta и diptōta (с греческого), оказываются однокоренными: указывается лишь на число падежей, но не указывается на принятие или непринятие неопределенного члена -n. Древнеарабские филологи пользовались терминами munṣarīf и ḡayr munṣarīf (равно другими производными от ṣarf). Эти термины сохранились и у современных арабов, которые склонны понимать munṣarīf в смысле ‘склоняемое’, а его противоположность ḡayr munṣarīf в смысле ‘несклоняемое’; правда, на деле и те и другие имена склоняются, а потому приходится дополнять перевод какими-нибудь оговорками, например ‘склоняемое полным склонением’ и ‘несклоняемое полным склонением’.

нием'.¹ Между тем, определение, которое дает древний источник — туземный словарь арабского классического языка „*Lisān al-'Arab*“ (т. XI, стр. 91), подходит к рассматриваемому нами явлению значительно лучше: *صَرْفُ الكلمة إجراؤها بالتنوين*, т. е. 'флексия слова — снабжение его нūнацией'. Таким образом мы могли бы перевести арабские термины *munṣarīf* и *ḡayr munṣarīf* как 'флектируемое' и 'нефлектируемое' (так и делают некоторые европейские авторы), но арабское *ṣarf* и европейская „флексия“ не всегда и не совсем переводят друг друга, а поэтому точнее и осторожнее будет перевести *munṣarīf* как 'принимающее нūнацию', а *ḡayr munṣarīf* — как 'не принимающее нūнации'. Любопытно, что такое же понимание арабских терминов обнаруживает голландский арабист XVII в. Фома Эрпений: „*Nomina Invariabilia quæ vocant Arabes, seu quorum ultima vocalis non admittit Nunnationem*“, т. е.: „то, что арабы называют именами неизменяемыми, т. е. последняя гласная которых не допускает нūнации“.²

Довольно значительную пестроту проявляют те группы имен, которые идут по двухпадежному склонению и, следовательно, не принимают неопределенного члена -п в неопределенном состоянии. Это обстоятельство непомерно затрудняет и исследование и преподавание интересующей нас грамматической категории: обобщить все группы одним принципом не удастся, а сокращение числа групп путем объединения нескольких однородных ничуть не облегчает нашего трудного вопроса. Приведем эти группы в возможно большей полноте:

1. Собственные имена иноязычного происхождения, например 'Ibrāhīmu, Baḡdādu.

2. Женские собственные имена, например Kalḡamu, Makkatu (см. п. 3).

3. Собственные имена с суффиксом -at (ة); например Kabṣatu (мужское имя).

4. Собственные имена с суффиксом -ān, например Sufyānu (см. п. 8).

5. Собственные имена по типу qut al, например Zufaru (см. п. 11).

6. Собственные имена, подобные глаголу, например Yaṣkuru ('он поблагодарит').

7. Имена с некоренными -ā (أ) и ā' (آ), например, ṣaḡrā'u, ḡalwā (جلاوى).

8. Прилагательные на -ān с женским родом на -ā, например sakrānu, жен. р. sakrā.

9. Прилагательные типа 'aqtal с женским родом по типам qutlā и qatlā'u, например 'akbaru, жен. р. kubrā; 'aḡmaru, жен. р. ḡamrā'u.

10. „Множественное ломаное“ по типу qatālīl, например ma'ārifu.

11. „Множественное ломаное“ по типу qutal, если единственное число — по типу qutlā, например kubaru (от kubrā, см. п. 9).

12. Числительные разделительные по типам maḡlaḡu и ḡulāḡu.

Приведенный список не содержит колеблющихся и отклоняющихся случаев. Отметим те из них, которые носят групповой характер. Прежде всего собственные имена иноязычного происхождения и женские собственные имена бывают трехпадежными, если их основа односложна, например Lūṭun (евр. Lōṭ), Hindun (женское имя), но Miṣru 'Египет'. Затем, любопытное раздвоение присуще числительным: они трехпадежны в своем вещественном значении, например ḡalāḡatun tufarriḡu l-qalba 'три вещи увеселяют сердце', но двухпадежны в своем отвлеченном значении математических величин, например tis'atu akḡaru min ḡamāniyata

¹ Т. Кезма. Элементарные основы грамматики арабского языка в популярном изложении. Киев, 1928, стр. 188—198.

² Thomae Erpenii grammatica arabica. Amstelodami, 1636, p. 136.

‘девять больше восьми’; в последнем случае древнеарабские филологи рассматривают числительные как собственные имена (Lisān al-‘Arab, т. IX, стр. 382). Таков же взгляд древнеарабских филологов на двухпадежность поэтических олицетворений вроде barratu ‘благочестие’ и fajratu ‘нечестивость’, т. е. на арабское подобие европейских нарицательных с большой буквы („свобода“ и „Свобода“). Упомянем еще имена, оканчивающиеся на неизменяемое -i. Так как этот гласный не выражает никакого падежа (признак родительного падежа -i свойственен лишь трехпадежным именам), то подобные имена обычно не включаются в двухпадежные (между тем как имена на тоже неизменяемое -ā [ى] включаются сюда, потому что их несклоняемость вызвана лишь техническими причинами: сочетания -ayu и -aya закономерно стягиваются в -ā, т. е. вместо *kubrayu || *kubraya имеем неизбежное kubrā, كبرى). Однако, так как имена на неизменное -i никогда не принимают неопределенного члена, они должны относиться принципиально к категории двухпадежных, но в смысле арабского термина ṣayr munṣarif, а не европейского термина „двухпадежное“. Среди имен на неизменяемое -i нам известны: собственные имена иноязычного происхождения, как Sībawayhi; женские собственные имена по типу qatāl, например Zafāri (название города), Fajāri (бранное прозвище или такое же олицетворение, как вышеприведенное fajratu); особая категория между именем и глаголом, тоже по типу qatāl, служащая для команды, например nazālī ‘слезай!’, должна быть здесь упомянута, хотя она несклоняема уже в силу своей синтаксической функции.

2. ВЗГЛЯДЫ ИНОСТРАННЫХ СЕМИТОЛОГОВ

Загадка двухпадежных имен уже давно привлекала внимание семитологов, которые время от времени высказывались либо относительно категории двухпадежных имен в целом, либо относительно отдельных групп имен, входящих в эту категорию. Взгляды иностранных семитологов на интересующее нас явление собраны в капитальном труде по сравнительной грамматике семитских языков, до сих пор ничем не замененном и вполне отражающем современное состояние вопроса за границей.¹ Brockelmann принимает следующее построение (Bd. I, p. 461). Двухпадежные имена представляют новшество по сравнению с трехпадежными, так как в набатейских надписях арабские собственные имена типа 'Abjaru нередко оканчиваются буквой ʾ wāw, каковая характерна для набатейской транскрипции арабских собственных имен трехпадежных типов, например ʾb̄r = ʾb̄r; Zaydun (тогда как 'Abjaru пишется по-набатейски то ʾb̄r, то ʾb̄r). Кроме этого, в качестве довода в пользу того, что двухпадежные имена представляют относительное новшество, указывается на трехпадежность 'айнированных вариантов от прилагательных цвета и порока по типу 'aqtal; например, наряду с двухпадежным 'aḍjalu ‘толстобрюхий’ имеется трехпадежное 'aḍjalun с тем же значением. Двухпадежное склонение (имен. п. -u, косв. п. -a) выводится из предполагаемого взаимодействия собственных имен глагольного происхождения; например перфект šammara ‘быстро бежал’ и имперфект yazīdu ‘прибавит, увеличит’ дали собственные имена Šammara и Yazīdu, окончания которых были переосмыслены как падежные и переработаны в новую парадигму: Šammaru, косв. п. Šammara, и Yazīdu, косв. п. Yazīda. Выработавшаяся таким образом парадигма распространилась на прилагатель-

¹ C. Brockelmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Berlin, 1908 (Bd. I) & 1913 (Bd. II).

ные типа 'aqtal в силу их глаголообразности (именно близости к перфекту IV породы: 'aqtala); отсюда эта же парадигма распространилась на женскую форму прилагательных цвета и порока qatlā (например 'aḥmaru 'красный' || ḥamrā'u 'красная'). Далее, от прилагательных типа 'aqtal в значении сравнительно-превосходной степени двухпадежность перешла к их „множественному ломаному“ по типу 'aqātil (например 'akbaru 'большой', мн. 'akābiru), а этот тип „множественного ломаного“ распространился и на многие другие случаи (например risālatun 'послание', мн. rasā'ilu; maktabun 'школа', мн. makātibu). Иностранные собственные имена последовали за собственными именами глагольного происхождения. В заключение Brockelmann констатирует, что до сих пор неясна причина двухпадежности женских собственных имен и собственных имен (хотя бы мужских) с женским окончанием -at. Как видим по сравнению с вышеприведенным списком, Brockelmann совершенно не касается собственных имен и прилагательных на -ān (пп. 4 и 8 нашего списка), собственных имен по типу qutal (п. 5), различных имен на -ā помимо типа qutlā (п. 7 с учетом п. 9), „множественного ломаного“ типа qutal (п. 11) и числительных разделительных (п. 12). Таким образом иностранные семитологи не охватили интересующего нас явления во всей его полноте и, как мы увидим далее, не дали сколько-нибудь убедительных объяснений для той части явления, которая затронута в изложении Brockelmann'a.

Уместно будет упомянуть, что Brockelmann не привлекает к интересующему нас вопросу язык южноарабских надписей, который на месте северноарабской нūнции проявляет мīмацию — неопределенный член, выражаемый на письме буквой ʕ mīm; употребление мīмации южными арабами сходно с употреблением нūнции северными арабами, но Brockelmann вслед за Hommel'ем не придает этому значения, так как неогласованность южноарабских надписей лишает нас возможности убедиться в наличии там двухпадежных имен. Между тем, наличие имен, принимающих мīмацию, и имен, не принимающих мīмации, показывает, что перед нами не новшество северноарабского языка, а какая-то очень древняя черта, общая у обоих языков; это можно сказать, вовсе не касаясь вопроса о южноарабских падежных окончаниях, скрытых от нас неогласованностью надписей и, разумеется, нам неизвестных.

Теперь перейдем к критике построения, принятого Brockelmann 'ом. Доводы в пользу того, что двухпадежные имена являются относительным новшеством, вообще носят случайный характер и ни в какой мере не связаны со всей системой арабской грамматики. Предположение, будто набатейское ʔ передает трехпадежную флексию арабских собственных имен, признано за последнее время несостоятельным,¹ да и вообще как-то нелепо, чтобы люди выражали нūнцию не буквой nūn, а буквой wāw. Тип 'aqtal является вторичным по отношению к типу 'aqtal, как это признал и сам Brockelmann (op. cit., Bd. I, p. 372), но арабское языковое сознание воспринимает 'aun как коренной согласный (ведь префикса 'а- нет), следовательно какое-нибудь 'adjalun представляет четырехсогласный корень ʕjl, тогда как нормальное прилагательное 'adjalu, где ясно выделяется обычный префикс 'а-, представляет трехсогласный корень ʕjl; поэтому ясно, что развитие обоих дублетов идет по разным путям во всех грамматических формах:

ед. ч. муж. р.	ед. ч. жен. р.	мн. ч. муж. р.	мн. ч. жен. р.
'adjalu	ʕajlā'u	ʕujlun	ʕujlun
'adjalun	'adjalatun	'adājilu	'adjalātun

¹ J. Cantineau. Le nabatéen. Vol. II, Paris, 1930—1932, p. 167.

По поводу возникновения двухпадежного склонения из взаимодействия собственных имен перфектного и имперфектного типов нужно заметить, что по крайней мере в северноарабском языке перфектные собственные имена весьма редки и сомнительны; имперфектные же собственные имена весьма обычны. Непонятно, каким образом родительный падеж стал выражаться окончанием, известным в арабской грамматике лишь как показатель винительного падежа; особенно странным становится это, если двухпадежные имена являются новшеством, т. е. напластованием на грамматику, строго различающей уже три падежа разными гласными; если же двухпадежные имена являются пережитком, то -а раньше имело недифференцированными обе функции — родительного и винительного падежей, но тогда не при чем взаимодействие перфектных и имперфектных собственных имен, так как они вполне укладывались в существовавшую схему своим исконным окончанием (перф. -а, имперф. -и) и из нее же почерпали недостающее падежное окончание.

В дальнейшем у Brockelmann'a идет длинная цепь изменений по аналогии, предположенных без учета семантической и синтаксической функции воздействующих и воздействуемых слов, и получается какая-то сплошная порча языка... Между тем, каждый затронутый им тип словообразования имеет свою историю, и в этой истории очевидно нужно искать причину дальнейшей судьбы типа. Но, если в других случаях, хотя бы поверхностно, намечается какая-то связь между типами (глаголоподобность, корреляция по роду или по числу), то никакой связи не наблюдается между собственными именами глагольного происхождения и иноязычными собственными именами, которые почему-то должны были последовать за первыми...

3. МОЕ ПОСТРОЕНИЕ

Со времени выхода в свет моей арабской грамматики¹ я не раз старался проникнуть в загадку двухпадежных имен, но все попытки оставались бесплодными. Лишь совсем недавно мне случилось познакомиться с одним явлением аварского языка, которое навело меня на совершенно новый путь исследования злополучной загадки:² „Имена собственные мужчин и женщин склоняются только по архаическому склонению (кроме тех, которые произошли от употребления нарицательных имен в качестве прозвищ или которые по форме являются прилагательными). Архаическое склонение свойственно и всем собственным именам лиц, заимствованным из других языков“. Противоположение архаического и живого склонений аварского языка напомнило мне противоположение двухпадежного и трехпадежного склонения арабского классического языка. Прежде всего иноязычные имена: 'Ibrāhīmu 'Авраам', 'Ishāqu 'Исаак', Ya'qūbu 'Иаков', Mūsā (موسى) 'Моисей', Hārūnu 'Аарон' и т. д.; далее, арабские мужские и женские имена целого ряда типов, о которых мы уже говорили, но, наряду с ними, и мужские трехпадежные имена из прилагательных (например Salīmun — Селим, т. е. 'здоровый'), из причастий (например Muḥammadun, пресловутый 'Магомет, и даже 'Богомет', собственно 'сугубо прославленный'), из нарицательных существительных (например Faḍlun — Фадл, т. е. 'преимущество' или 'милость'). Разумеется, столь разные по строю языки, как аварский и арабский, да вдобавок с весьма различной историей возникно-

¹ Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Под редакцией и с предисловием И. Ю. Крачковского, Л., 1928.

² Л. И. Жирков. Аварско-русский словарь. М., 1936, стр. 171.

вения и развития, не могут настолько совпадать в типологии, чтобы данные аварского языка послужили ключом для всех трудностей, колебаний и противоречий, которыми так щедро наделен вопрос о двухпадежных именах. Но брешь была пробита...

Для того чтобы разобраться в крайне запутанном материале нашего вопроса, нужно установить, в какой хронологической последовательности возникали морфологические единицы, связанные с арабским классическим склонением. Прежде всего заметим, что определенный член *al-* является одной из поздних единиц, так как он встречается только в северноарабском; столь близкий древний южноарабский язык имеет определенный член *-āp*¹ в конце слова (а не в начале слова, как *al-*); древнееврейский язык имеет определенный член *ha-* в начале слова, арамейский язык *-ā* — в конце слова, ассиرو-вавилонский и эфиопский языки вовсе не имеют определенного члена. Конечно, зная, что определенный член, вообще, вырабатывается из указательного местоимения, можно не сомневаться, что в основе всех наличных семитских форм *al-*, *-āp*, *ha-*, *-ā* лежит одна и та же указательная частица *hā*, осложняемая еще каким-нибудь местоименным придатком (*l*, *n*) и освобождаемая от легко исчезающего звука *h*, но можно сказать с уверенностью, что определенный член выработан каждым семитским языком самостоятельно и относительно поздно. Гораздо раньше появился и может считаться принципиально общесемитским неопределенный член, получившийся из неопределенного же местоимения *mā* (→-*m*, далее сев.-араб. -*n*) и пребывающий исключительно в конце слова; в северноарабском застали еще живое -*n*, в южноарабском тоже еще живое -*m*, в ассиру-вавилонском уже отмирающее -*m*, в прочих языках находим лишь пережитки, например евр. *uōtām* 'днем' (= араб. *yawman*), араб. *rūtā* 'рот' (= араб. *famun*, в сопряженном состоянии *fū-*, *fī-*, *fā-*), эфиоп. *tāmālēm* 'вчера', *gēsām* 'завтра' (ср. -*an* арабских наречий). В виду этого приходится считаться с тем обстоятельством, что в семитских языках была эпоха, когда определенность имени выражалась отсутствием неопределенного члена, а не прибавлением определенного члена, которого и не было.

Теперь о падежных окончаниях. Они появились раньше неопределенного члена, как показывает их положение в слове (например *kalb-u-n* 'собака': сначала появилась основа *kalb*, затем — падежное окончание -*u*, наконец — неопределенный член -*n*). Если это так, приходится считаться с еще более ранней эпохой, когда имя само по себе могло быть определенным или неопределенным в зависимости от контекста, как это в русском литературном языке. Как показывают двойственное и правильное множественное числа арабского классического языка, различающие лишь два падежа — именительный (дв. *-ānī*, мн. *-ūna*) и косвенный, т. е. родительный и винительный вместе (дв. *-aynī*, мн. *-īna*), когда-то и единственное число различало лишь два падежа, но чем меньше падежей в языке, тем шире их функции: один падеж замещает несколько разных падежей таких многопадежных языков, какими являются, например, агглютинативные языки. Если, как нам подсказывают двухпадежные имена арабского классического языка, единственное число имело именительный падеж на -*u* и косвенный падеж на -*a*, то очевидно, что совмещение функций родительного и винительного падежей в одной и той же форме падежного окончания предполагает либо примат родительного падежа (как по-русски родительный падеж, выполняющий и функцию выделительного падежа, партитива, заменяет винительный

¹ I. Guidi. *Summarium grammaticae arabicae meridionalis*. Le Muséon, XXXIX, p. 15.

падеж одушевленных не на -а || -я и выражает неопределенность объекта при отрицании), либо развитие обеих функций из одной — направительной; в последнем случае, который для семитских языков вероятнее в силу наличия направительного падежа на -ā в древнееврейском (например 'arṣā 'на землю', Miṣrāyīmā 'в Египет'), функция винительного падежа вытекает из направления действия на объект, а функция родительного падежа идет по линии *dativus possessōris*, что подтверждается применением предлога li 'к' в подобной же функции, например kitābun li-'abihi 'одна из книг его отца'. Настоящий родительный падеж на -i выработался из суффикса имени относительного (*nisba*) -īy, как это считается наиболее вероятным и по мнению Brockelmann'a, но, вообще, в семитских языках отношение определяемого и определения выражается обычно простым контактом имен (так и в новоарабском, например bint malik 'царская дочь', bint il-malik 'дочь царя'). Прибавление нового родительного падежа разгружает многозначный косвенный падеж, который становится винительным падежом, но еще сохраняет кое-какие побочные значения (особенно — наречное, как у русского творительного падежа). Так получается трехпадежное склонение: -и, -i, -а.

Наш обзор морфологических единиц, связанных со склонением арабского классического языка, будет неполным, если мы не упомянем еще одной категории пережиточного характера — показателей класса, впоследствии показателей рода, а в дальнейшем ходе развития — суффиксов весьма широкой значимости и применяемости. Речь идет о весьма ходких окончаниях, которые не раз фигурировали в вышеприведенных двухпадежных именах:

انْ	ىْ	آْ	ةْ
-ān	-ā	-ā'	-at

Первое окончание, повидимому, представляет былой класс лиц (социальноактивный), а прочие три — бывшие классы вещей (социальнопассивные). Когда-то было гораздо больше классов, и их следы еще есть, но эти четыре класса оказались живучее других и продолжают свое существование, приспособляясь к новому, более отвлеченному мышлению. Дальнейшее развитие этих бывших классов неодинаково и весьма неравномерно. Прежде всего при переходе от класса к роду первое окончание определилось как показатель мужского рода, а остальные — как показатели женского рода, но развитие первого и последнего окончаний пошло значительно дальше: -ān стало соединимо с -at, тогда как -at нередко появляется и у имен мужского рода (не нужно смешивать род с полом: ведь и по-русски слово „мужчина“ с женским окончанием, отнюдь не означающим здесь женского пола). Вот эта-то неравномерность в развитии и позволяет иногда установить хронологию типов словообразования и словоизменения: архаические типы будут выражать род заменой показателей, а живые типы — прибавлением показателя (т. е. собственно остается одна возможность: образовать женский род от мужского путем прибавления женского окончания -at, которое может прибавляться к основе любого типа, тогда как -ā и -ā' связаны с определенным типом основы). Примеры:

{	архаический	ḡaḏbānu 'гневный',	жен. р.	ḡaḏbā (мена انْ : ىْ)
{	живой	'uryānūn 'голый',	жен. р.	'uryānatun (прибавление ö)
{	архаический	'aswadu 'черный',	жен. р.	sawdā'u (мена — آْ : ىْ)
{	живой	'armalun 'вдовец',	жен. р.	'armalatun (прибавление ö). ¹

¹ В новоарабских диалектах существует только тип с постоянным -ān, например marḡān 'больной', жен. р. marḡāne (ö). В южноарабском наречии мехри есть своеоб-

Насколько обесцвечивается значение наших показателей в дальнейшем развитии, — лучше всего можно показать на „множественном ломаном“, где *-ān* и *-at* замещают друг друга почти свободно, не влияя сколько-нибудь существенно на значение, например *ʾixwānun* = *ʾixwatun* ‘братья’, *ʾilmānun* = *ʾilmātun* ‘мальчики’, *niswānun* = *niswatun* ‘женщины’. Конечно, из таких примеров нельзя выводить заключение, будто *-ān* совпало с *-at* по значению вообще, но в известных частных случаях совпадение явственно. Это обесцвечивание значения как нельзя лучше содействовало тому, что показатель может быть иногда отброшен без всякого вреда для содержания слова (особенно это относится к собственным именам); например в классической поэзии наблюдается иногда отбрасывание показателей *-ān* и *-at* в звательных оборотах: *yā ʾUṯmu* вместо *yā ʾUṯmānu* ‘о, Осман’, *ʾa Fāṭima* вместо *ʾa Fāṭimatu* ‘о, Фатыма’ (окончание *-a* не следует смешивать с новоарабским произношением *ə* в паузе; в классическую эпоху *-at* паузировало на выдохе: *-ah* с действительно произносимым звуком *h*). Особо важно упомянуть слово *fulānun* ‘такой-то, NN’, жен. р. *fulānatu*, которое в звательных оборотах может звучать *yā fulu* (муж. р.) и *yā fula* (жен. р.), причем последняя форма свидетельствует о варианте *fulatu*; это слово, в силу своего оригинального содержания, колеблется между нарицательными и собственными именами. К числу родовых показателей можно было бы отнести также *-īy* (عِي), образующее имя относительное (*nisba*); оно компенсируется показателем *-at* во „множественном ломаном“, например *barbarīyun* ‘бербер’, мн. *barābiratun*, но оно свободно принимает *-at* как для выражения женского пола или отвлеченности, например *ʾarabīyatun* ‘арабка; арабизм’, так и для выражения собирательности, например *baḥrīyun* ‘моряк’, мн. *baḥrīyatun*.

Теперь подойдем поближе к двухпадежным именам. Мы уже видели, что значительную их часть составляют собственные имена, т. е. имена, определенные по содержанию и принимающие приложение не иначе, как с определенным членом, например *Luqmānu l-ḥakīmu* ‘Лоқмāн мудрый’. Многие собственные имена заимствованы из других языков и не имеют по-арабски нарицательного значения; имена же арабского происхождения обычно имеют таковое. Есть языки, которые, располагая определенным и неопределенным членами, вовсе не пользуются таковыми, чтобы превратить нарицательное имя в собственное (так, немецкий язык), но иные языки превращают нарицательное имя в собственное прибавлением определенного члена (так, французский язык); например русским фамилиям „Большов, Королев, Кузнецов“ отвечают, в лингвистическом отношении, немецкие фамилии „Gross, König, Schmidt“ и французские „Legrand, Leroi, Lefèvre“ с определенным членом *le*. Посмотрим, как обстоит дело в арабском классическом языке. Здесь мы имеем различные способы противопоставления собственных имен соответствующим нарицательным; во-первых, посредством нūнации, например *faṭimatun* ‘отлучающаяся от груди’: *Fāṭimatu* (собств. имя); *ʾuṯmānun* ‘птенец’: *ʾUṯmānu* (собств. имя); *zufarun* ‘храбрый; лев’: *Zufaru* (собств. имя); во-вторых, посредством определенного члена, например *madīnatun* ‘город’: *al-Madīnatu* ‘Медина’; *farqadun* ‘теленок’: *al-Farqadu* ‘Звезда Арктур в созвез-

разное причастие будущего времени, где единственное число на *-ōne* (муж. р.) и *-ite* (жен. р.), а множественное число на *-eye* (муж. р.) и *-ūten* (жен. р.), например ‘имеющий сломать’ — *tebrōne*, *tebrīte*; *tebrūye*, *tebrūten*; здесь любопытно, что мужской показатель *-ān* (→ *ōn*) замещается женским показателем формы *-at* (→ *īt*), мн. ч. *-āt* (→ *ūt*), а женский показатель формы *-ay* (→ *ēy*) использован как показатель множества подобно арабскому классическому *qatlā* (قَتْلَى) ‘убитые’.

дии Пастуха; qā'imun 'стоящий; заведующий': al-Qā'imu 'Кā'им, фāтымидский халиф'; в-третьих, посредством контекста, это — трехпадежные собственные имена, как Zaydun. В последней группе случаев нūнация уже не имеет того значения, которое она имеет в нарицательных именах (неопределенный член -п 'один, некий, какой-нибудь...') — собственные имена с нūнацией принимают приложение с той же обязательностью определенного члена, что и собственные имена без нūнации. Нужно заметить, что в арабском классическом языке имя находится обязательно в одном из трех состояний — неопределенном, определенном или сопряженном. Нельзя сказать просто „собака“, а можно лишь — „(некая) собака“, „(данная) собака“ или „собака (такого-то)“; между тем, при наречении имен часто требуется сказать просто „собака“, и арабы использовали неопределенное состояние для собственного имени племени или мужчины: Kalbun — Кельб, что значит 'собака'. Значит, несуществующее безразличное состояние восполняется неопределенным состоянием; из контекста бывает видно, понимается ли имя как собственное или как нарицательное, а в связи с этим ясно, безразличность ли или неопределенность выражена окончанием -п.

В результате изложенного получается, что группы имен, составляющие категорию двухпадежных и не принимающие нūнации в неопределенном состоянии (о чем см. выше), являются пережитками эпохи, когда еще не было определенного члена; это относится в равной мере и к северно-арабскому и к южноарабскому, хотя у первого выработался препозитивный член al-, а у последнего постпозитивный член -ап. Родовые показатели в своем тогдашнем значении не допускали неопределенного члена, так как сами являлись до известной степени членами (немецкий термин *Geschlechtswort*, плохо подходящий к самому немецкому языку, где члены выражают не только род, но также падеж и число, здесь подходил бы в полной мере). Таким образом разъясняются уже многие группы, приведенные в нашем списке: собственные имена иноязычного происхождения и подобные глаголу не приняли нūнации как определенные по содержанию с самого начала (иноязычные не имели нарицательного значения на арабской почве, а глаголы вообще не принимают членов; к тому же имперфектные собственные имена первоначально не склонялись, как показывают пережитки в поэзии — см. *Lisān al-'Arab*, т. IV, стр. 183, 184). Собственные и нарицательные имена (включая прилагательные), содержащие родовые показатели, не приняли нūнации как определенные по форме, хотя бы собственные имена данных типов происходили из арабских же нарицательных. Женские имена без женского родового показателя равносильны женским именам с показателем, что видно из имен уменьшительных, например šamsun 'солнце' → šumaysatun 'солнышко'; поэтому женские собственные имена без родового показателя тоже не приняли нūнации. Очень возможно, что и мужские собственные имена по типу qutal предполагают виртуальный (не явно присущий) родовой показатель -āп. Относительно прилагательных типа 'aqtal в двух разных функциях со строго различными формами женского рода qutlā и qatlā' можно высказать предположение, что 'aqtal является совпадением двух разных комбинаций: *'ā-qutal при женской форме qutlā (← * qūtal-ay) и *'ā-qatal при женской форме qatlā' (← * qatal-ā'), стало быть, оба типа прилагательных восходят к разным основам — qutal и qatal. Вопрос будет сводиться к префиксу 'а-, значение которого неясно, но который при сближении с местоимением *-а (в 'anā ← * 'an'a 'я' и в имперфекте, например aktubu 'я пишу') и со звательной частицей 'а- представляется, во всяком случае, местоименным элементом, придающим определенность и, быть может, дублирующим мужское -āп. Нужно учесть, что сравни-

тельная степень 'aqtal — общего рода и числа, в отличие от превосходной степени (как по-русски); поэтому -ān здесь было бы неуместно. Во всяком случае, ясно, что элемент 'a- в типе 'aqtal компенсирует родовые показатели своих женских коррелятивов qutlā и qatlā'. „Множественное ломаное“ типа qutal для прилагательных, имеющих в единственном числе тип qutlā, напоминает соответствующую трехпадежную форму, множественные существительные типа qutlat (например ruṭbatun 'свежий финик', мн. ruṭabun); здесь мы, несомненно, имеем дело с именем единичности, но с утратой неударенного -a-. Вообще родовые показатели служат и показателями единичности (наряду с противоположной функцией — показателями множества, о чем уже говорилось), но в грамматиках дается лишь -at (например tibnun 'солома', ед. tibnatun 'соломинка'); подобное можно показать для -ān: 'insun 'род человеческий', ед. 'insānun 'человек', хотя для лиц эту функцию выполняет обычно имя относительное (например Rūmu 'Рим; Византия' → ar-rūmu 'византийцы' → rūmīyun 'византийский; византиец'), почему мы выше и сближали окончание -īy с родовыми показателями. Замечательно, что ед. qutlā, мн. qutal (например 'uxrā 'другая', мн. 'uxagu) сохраняет двухпадежность (в силу корреляции по числу и по роду), тогда как ед. qatlā, мн. qutl (например 'arjā'u 'хромая', мн. 'urjūn) не сохраняет двухпадежности, но причина, можно думать, в отсутствии правильной корреляции (ведь и мужская форма 'araju имеет то же множественное число) и в неисконности самого соответствия — единственное число из типа qatal, а множественное из типа qutul (сравните qazatun 'подлый', мн. qizutum) или qutal.

Большие трудности для объяснения представляет двухпадежное „множественное ломаное“ типа qatālil. Ведь у него есть трехпадежные варианты qatāli и qatālilat (например jāriyatun 'девушка, молодая женщина', мн. jāwārin для именительного и родительного падежей, jāwāriya для винительного; 'ustādun 'профессор', мн. 'asātidatun). По происхождению этот тип представляется бывшим трехсогласным типом qatāl, приносившим к четырехсогласным (или трехсогласным же, но с долгим гласным в основе) типам единственного числа. Сам тип qatāl в функции „множественного ломаного“ не сохранился; его замещает 'aqtāl из *'a-qatāl, подобно тому как частый в арабском тип qutūl замещен в эфиопском типом 'aqtūl из *'a-qutūl. Что касается гласного -i-, это — вспомогательный гласный, который мы встретим и в имени уменьшительном от четырехсогласных или подобных им типов: ṣa'labun 'лиса' → ṣu'aylibun 'лисичка', yulāmūn 'мальчик' → yulayyūmūn 'мальчонок' при hīrrun 'кот' → hūrayyūn 'котик'. Но в происхождении незаметно что-либо, способствующее двухпадежности. Поищем в других обстоятельствах. Как известно, тип qatālil очень часто используется, чтобы образовать „множественное множественности“ от „множественного малости“ (от 3 до 10 предметов); например ḥadīṣun 'предание', мн. 'aḥdāṣun, мн. 'aḥādīṣu, или 'arḍun 'земля', мн. 'araḍū(na) || 'araḍātu(n), мн. 'arāḍin. Не означал ли этот тип абсолютное множество, т. е. всё, что есть данной вещи в мире? Тогда содержание способствовало бы принятию неопределенного члена, так как „всё“ может быть равносильным собственному имени (Brockelmann, op. cit., Bd. I, p. 469). К тому же в функции „множественности“ этот тип всегда четырехсложен, если считать с падежным окончанием. Тогда ясно, что при нарушении четырехсложности, когда меняется ритм, следовательно и тип, получается трехпадежный вариант qatāli, как jāwārin, при уменьшении объема и qatālilat, как 'asātidatun, при увеличении объема. Оговоримся лишь о словах с одинаковыми предпоследним и последним коренными, что там убавление слога при стяжении одинако-

вых согласных компенсируется сверхдолгим -â- (вместо обычного -ā-), например dâbbatun ‘животное’, мн. dawâbbu, вместо *dābibatun и *dawābibu.¹

По поводу числительных разделительных нужно сказать, что оба типа qutal и maqtal вполне сводимы к одному — *qutal (с осложнением *ma-qutal), который напоминает и встречавшееся уже „множественное ломаное“ типа qutal и названия дробей по типу qutl (например ʔulʔ-un ‘треть’, как juz’un ‘часть’). Окончание -u в ʔulāʔu || maʔladu ‘по три’ и т. п. может быть сродни архаическим наречиям fawqu ‘наверху’, tahtu ‘внизу’, ba’du ‘потом’, qablu ‘прежде’ с локативным значением -u. Правда, на практике числительные разделительные чаще в винительном падеже на -a, но это объяснимо как переделка архаических типов на новый лад (ведущий способ образования наречий по-арабски — винительный падеж). Кстати, упомянутые архаические наречия-локативы являются живыми свидетелями эпохи до выработки -al и стоят как бы в безразличном состоянии против ведущего способа, уже тесно связанного с состояниями, например al-uawta ‘сегодня’, uawta ‘однажды’ (букв. ‘днем’).

Теперь дадим небольшую сводку классификации типов по причинам двухпадежности, поместив в скобки цифры пунктов нашего вышеприведенного списка:

По содержанию

- Иноязычные собственные имена (1)
- Женские собственные имена (2)
- Собственные имена типа qutal (5)
- Собственные имена из глагола (6)
- Множественное ломаное qatālil (10)

По форме

- Собственные имена на -at (3)
- Собственные имена и прилагательные на -ān (4)
- Имена на -ā, -ā’ (7)
- Их коррелятивы ‘a qtal (9), qutal (11)
- Числительные разделительные (12)

Самая техника превращения двухпадежных имен в трехпадежные при переходе в определенное или сопряженное состояние весьма проста: именительный падеж уже совпадает (-u), винительный падеж в подходящем контексте тоже совпадает (-a); остается только родительный падеж на -i, который автоматически добавляется в силу сходства основных условий контекста и оформления.

¹ Сверхдолгое â изображается в тщательно огласованных рукописях Корана и в сделанных с них печатных изданиях посредством â, например وَلَا الضَّالِّينَ в последнем стихе первой суры. Здесь причастие ʔāllun ‘заблуждающийся’ из *ʔālilun.